

21. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. — М., 1981.
22. Тихонравов Н. С. Летописи русской литературы и древности. — Т. 4. — М., 1862.
23. Флоря Б. Н. У истоков конфессионального раскола славянского мира (Древняя Русь и ее западные соседи в XIII в.) // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). — М., 2000.
24. S. Gregorii Theologi Oratio XXXIX. In sancta Lumina // Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. — Paris, 1885. — Т. 35. — S. Gregorius Nasianzenus.

М. И. Пилаш

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ПРОЗВИЩНЫЕ ИМЕНА В “АКТАХ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ 1479–1571 гг.”

Несмотря на официальное принятие на Руси в 988 году христианства, неканонические имена в течение долгих веков продолжали активно использоваться в русском антропонимиконе. Даже в XV–XVII вв. некрестильные имена, хотя их и теснили церковные онимы, выступали с многообразными функциями: они использовались и в качестве личного имени, и в функции прозвища, как правило, оценочного, характеризующего. Подтверждением этого факта служат многочисленные памятники старорусской письменности, в частности, “Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг.” [1988], которые отражают живые следы хозяйственного и социального народного быта русского Севера XV — XVI вв. и до сих пор не подвергались анализу как возможная база антропонимических исследований. “Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг.”, между тем, являются ценнейшим источником ономастических данных, позволяющим восстановить как древнейший список антропонимов, которым пользовались поморы, использовавшие район Соловецких островов для морского и рыбного промысла, так и пласт апеллятивной лексики, уже утраченный современным русским языком.

Под прозвищными именами мы, вслед за В.И. Тагуновой, подразумеваем “слова, которые существовали в русском языке как нарицательные и употреблялись в определенные исторические периоды наряду с календарными именами в качестве прозвищ,

а также в функции личных собственных имен” [7: 32]. Применение этимологического анализа при изучении старых русских антропонимов неканонического происхождения позволяет восстановить первичную семантику антропоосновы и реконструировать неизвестные современному языку нарицательные слова, подвергшиеся онимизации.

Среди широкого спектра лексико-семантических групп прозвищных имен “Актов Соловецкого монастыря 1479–1571 гг.” количественно выделяются и привлекают особое внимание антропонимы, оценивающие свойства и качества человека, отражающие его привычки или характеризующие род занятий лица. Основу этих групп имен собственных составляют девербативные образования — всего 136 онимов. Они представлены в нашем материале в качестве первого или второго личного имени (**Томилко** Агафонов, **Шумила** да Чебот Гавриловы дети, **Молчан** Иванов сын Ворсин, Иванко **Огур** Максимов, Филип **Гуляй** Панфилов сын и под.), чаще — в функции прозвища (в качестве второго или третьего компонента именованя): Исайя **Копотило**, Ондрей **Пушута**, Тимофей Левонтьев сын **Бушуй**, Иван Яковлев сын **Дериба**, Иван Анисимов сын **Трутьян**, Василей Логинов сын **Мудорез** и т.п. Почти половина отглагольных прозвищных имен реконструирована нами по патронимическим формам: ***Корташь** < Перша Яковлев сын **Корташева**, ***Пируй** < Кузма **Пируев**, ***Тарабука** < Ванка **Тарабукин**, ***Тепяга** < Онцыфор Григорьев сын **Тепягина** и др.

В числе антропонимических девербативов “Актов Соловецкого монастыря 1479–1571 гг.” много имен собственных с отрицательной семантикой. Например, композитное прозвище **Баборѣзь** □□□ < Павел Киприянов сын **Баборезова** [1546–1547, 123, 76], образованное от апеллятивов *баба* и *рѣзать*, появилось, видимо, в результате отражения конкретного жизненного факта, связанного с именуемым и послужившего поводом для номинации (ср. ***Недорѣзь** < Семен Кузмин сын **Недорезова** [1539, 76, 51]). Антропоним ***Бадакъ** < Алексей **Бадаков** [1556, 213, 131] связан, возможно, с глаголом *байдать* ‘бить баклуши, слоняться, шататься без дела’ [4, 1: 38] (при условии диэрезы йота, что было характерно для территорий, подвергшихся финно-угорскому языковому

влиянию, ср., например, село *Байчурово* — фамилия *Бачурин* [9: 14]), ср. диал. *байдакъ* ‘озорникъ, буйанъ’ [4, 1: 38]. Менее вероятно объяснение происхождения имени от глагола *бодать, бадывать* ‘толкать, бить, бить рогами’, ‘толкать или пырять коломъ, рожномъ, рогатиной, вилами...’ [4, 1: 106].

Ряд подобных примеров можно продолжить. Так, прозвище **Бобоша** — Никон Офремов сын **Бобоша** [1532, 60, 44] — образовано от глагола *боботать* ‘невнятно говорить’ [СРНГ 3: 37], ср. совр. *бобоша* ‘человек, который много “бобочет”, говорит без толку’ (перм.) [СРНГ 3: 38]. Антропоним **Будай** — Степан **Будай** Михайлов сын [1571, 404, 245] — это отглагольное образование с суффиксом *-ай* от *будать* ‘бодать’ [ПскОС 2: 195], ср. *будавай* ‘бодливый’ [СРНГ 3: 240] (менее вероятной представляется связь антропонима с композитными личными именами *Будимирь* или *Будомирь*). Собственное имя **Бурко** — Василей Иванов сын **Бурко** [1556, 221, 135] — является, возможно, девербативом с формантом *-о* от диал. *буркать, буркнуть* ‘бросить, швырнуть; проворчать под нос’, *буркотать* ‘ворчать’ [Фасмер I: 245], однако исходным апеллятивом могло быть и прилагательное *бурый* (ср. *бурка, бурко* ‘конь бурой масти; иногда кличка бурой собаки’ [4, 1: 144]) или существительное *бурка, бурко* ‘короткая одежда из темной овечьей шерсти’ (перм., костр., яросл., волог., олон., арх., новг.) [СРНГ 3: 288, 290]. Прозвище ***Бурчокъ (Бурчко)** < Васко Иванов сын **Бурчково** [1556, 221, 136] — вероятно, деминутивная форма прозвища *Бурчь*; образована от глагола *бурчать* ‘бурчать; трясти, бушевать, ворковать’ [Фасмер I: 249], ср. *бурчало* ‘человекъ брюзга, воркотунъ; бормотунъ’ [4, 1: 143]. Антропоним ***Оширя**, восстановленный по патрониму (Васюк Михайлов сын **Оширина** [1565–1566, 286, 188]), является девербативным образованием с синкретической морфемой *-а* от диал. *ошириться* ‘зазнаться’ (арх.) [СРНГ 25: 88] или от *оширять, оширить* ‘уширить, расширить, сделать шире’ (сиб.) [Даль II: 778]. Прозвище **Лопотей** — Федотей Леонтиев сын Кропыш **Лопотей** [1550, 161, 100] — происходит от глагола *лопотать* ‘болтать бойко, резко, неумолчно, бестолково или невнятно’ (новг., твер., вор.) [4, 2: 267]. Девербативным прозвищным именем следует считать, по-видимому, и антропоним ***Грабъ**, реконструированный по патрониму (Михалец **Грабов** [1570, 350, 221]), — это

прозвище с нулевым суффиксом, мотивированное глаголом *грабить* ‘отымать силою’, ‘хватать руками’ (сев.) [4, 1: 388]. Подобные образования немногочисленны, но все же встречаются в русской исторической антропонимии, ср. *Тряс* [3: 324], *Объед* [3: 119], *Зарад* [1568, 319, 206] и др.

Однако исследуемый памятник засвидетельствовал и такие отглагольные прозвища, семантика которых связана с родом занятий лица или с привычками человека и не может быть интерпретирована как негативная. Например, производящей основой прозвища **Махаль* [1556, 213, 131] является, скорее всего, основа глагола *махать*, а в роли словообразовательного средства использован непродуктивный формант *-аль*, выделяющийся в обозначениях лиц мужского пола по действию, названному производящим словом (ср. современные существительные *каталь*, *коваль*, *строгаль* и под.).

Прозвище **Барса* < Есип Онцифоров сын *Барсина* [1539, 76, 51] — это, возможно, девербативное образование с формантом *-а* от диал. *барсовать* ‘думать, беспокоится’ (арх.) [СРНГ 2: 120]. Менее вероятной представляется связь с глаголом *барсить* ‘царапать’ или ‘стучать’, который зафиксирован в уральских говорах [СРНГ 2: 120] и так или иначе, на наш взгляд, связан с названием хищного зверя *барс*, вероятно, еще не известного жителям Поморья в XV — XVI вв.

Отглагольным антропонимом с суффиксом *-акъ* является собственное имя *Бутакъ* — Тимофей *Бутак* [1569, 327, 209], образованное от *бутать* ‘шумом, стуком пугать рыбу’ (пск.) [СРНГ 3: 309] или от *бутить* ‘сдирать бутню во время паловъ или лесных пожаровъ, чтобы отрезать земляной огонь’ (арх.) [4, 1: 145], ср. *бутня* ‘сухая моховина выше уровня тундры, сумшень’ [4, 1: 145]. Не исключена также связь с диалектным глаголом *бутѣть* ‘толстеть’ (яросл., костр.) [4, 1: 146] или *бутаться* ‘бодаться’ (влад.) [СРНГ 3: 309].

Прозвище *Незамай* — Григорей Михайлов сын *Незамай* [1567, 305, 200] — это девербативное образование с суффиксом *-ай* от *незамать* ‘не трогать, не дразнить, не привязываться; бросить, покинуть, оставить въ покое’ [4, 2: 518], ср. антропонимы с той же структурой *Ботай*, *Будай*, *Докучай*.

В ряде случаев интерпретация происхождения прозвищного имени носит условный характер, так как существует целый ряд обоснованных объяснений образования антропонима. Так, прозвищное имя ***Курака** (Иван **Курака** Борисов сын Вахонина [1558, 231, 141]) может рассматриваться как отглагольный антропоним с суффиксом **-ак(а)** от диал. *курать* ‘*кропать, вахлять, варакать, делать кой-какъ, особенно о шитье и письме*’ (пенз., вят., волог.) [4, 2: 221]. Суффикс **-ак(а)** образует существительные, называющие лиц по их действиям, с оттенком неодобрения, ср. совр. *зевака, гуляка, писака, служака, рубака* и т.д. Однако имеются и иные точки зрения на происхождение антропонима **Курака**: Н.А.Баскаков, например, мотивирует это прозвище тюркским *quraq* ‘*сухой, засохший*’, ‘*мечтательный, мрачно настроенный, боязливый, задумчивый*’ [1: 48], поэтому полагает, что прозвище **Курака**, возможно, означало ‘*скупой, жадный, задумчивый, мечтательный*’ или ‘*мрачно настроенный*’ [1: 48].

Антропоним ***Борко** (Демид Микулин сын **Борков** [1542, 89, 58]) является, вероятно, deverбативом с формантом **-о** от диал. *боркать* ‘*стучать, брэнчать; бормотать, ворчать, бурчать*’ (волог.) [4, 1: 115], хотя не исключено, что речь идет о деминутивной форме личного имени **Борис**.

Прозвище **Ботай** (Иван Яковлев сын **Ботай** [1563, 261, 171]), полагаем, связано с глаголом *ботать*, демонстрирующим в говорах ряд значений: ‘*говорить ерунду, болтать, врать*’ (перм., сев. — двин., иркут.), ‘*говорить неразборчиво, непонятно*’ (олон.), ‘*жадно, быстро есть что-либо*’ (олон.) [СРНГ 3: 132], ‘*болтать, громыхать, загонять рыбу в сети, звенеть*’ [Фасмер I: 200], ср. *боть* ‘*шест для ботания рыбы*’, диал. ‘*приспособление для пугания рыбы у рыбаков Чудского озера*’ [Фасмер I: 200]. Любое из этих значений могло стать мотивирующим при онимизации апеллятива. Антропоним образован с помощью форманта **-ай**, ср. антропонимы с той же структурой **Касай** [2: 190], **Петрай** [3: 243] и т.д.

С аналогичной двойственной интерпретацией встречаемся и при этимологизации ряда иных антропонимов, зафиксированных в “Актах Соловецкого монастыря 1479–1571 гг.” Прозвище **Кика** (Иван **Кика** [1571–1572, 427, 254]), например, — это собственное имя, образованное с помощью лексикализации существительно-

го **кика** ‘бабий головной уборъ, съ рогами, родъ повойника, кокошникъ съ высокимъ передомъ’ [4, 2: 107], либо вторичный антропоним с формантом –а от глагола **кикать** ‘плакаться, горевать’ (твер., пск.) [4, 2: 107], то есть результат действия антропонимической деривации.

Неясно, какое значение глагола **трутить** было исходным при образовании прозвища **Трутьянь** — Иван **Трутьян** Онисимов сын [1563, 262, 172]: ‘жить трутнемъ или тунеядомъ’ (ср. **трутень**), ‘натручать голову, натруждать, утомлять’ или ‘трутить рыбу, травить, изводить кокульванцемъ, для ловли, или мочкой льну’ (пск.) [4, 4: 438]. Достоверно лишь то, что средством антропонимической деривации является малопродуктивный после мягких согласных суффикс –ань [10: 54], ср. современные существительные **смустьян, пыжьян, молян, стоян, буян** и под.

Иногда множественность этимологических интерпретаций имени приводит к невозможности достоверного определения нехристианского или христианского происхождения антропонима. Например, реконструированное по патрониму собственное имя **Сакуля** (Онтипка **Сакулин** сын [1527, 55, 41]) может интерпретироваться как дериват с суффиксом –ул(я) от существительного **сакъ** ‘шлякъ, обрубокъ дерева, чурбанчикъ, какими играютъ въ рюхи, свинки, городки’ (твер.) или ‘род холщевой переметной сумы, для возки овса въ торокахъ’ [4, 4: 129] либо как deverbatивное имя от **сакать** ‘прибирать к рукам, присваивать, таскать’ [4, 4: 129]. Но с полным основанием данный антропоним можно отнести и к числу качественных, образованных от христианского личного имени **Исаакъ** в результате действия процессов фонетической и морфологической адаптации.

Безусловно, отглагольные прозвищные имена “Актов Соловецкого монастыря 1479–1571 гг.”, являющиеся весьма яркими и колоритными элементами антропонимии исследуемого региона, позволяют реконструировать многие уникальные диалектные лексемы, а также выявить наиболее активные словообразовательные антропонимические модели и частотные аффиксы.

ИСТОЧНИКИ

Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Составитель И.З.Либерзон. — Л.: Наука, 1988. — 274 с. Все дальнейшие ссылки на это издание делаем в тексте с указанием года фиксации антропонима, номера грамоты и страницы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. — М., 1979.
2. Бірыла М.В. Белоруская антропнімія. — Т. 2. Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі. — Мінск, 1969.
3. Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, отчества, фамилии. — М., 1974.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 1–4.
5. ПскОС — Псковский областной словарь. — Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1967–1990. — Вып. 1–8.
6. СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. — Л.: Наука, 1966–1996. — Вып. 1–30.
7. Тагунова В.И. Прозвищные имена в муромских памятниках письменности XVII–XVIII вв. // Уч. зап. Рязанского и Муромского гос. пед. ин-тов. Т.40. Лексика современного русского языка. — М., 1967.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. — 2-е изд. — М., 1986.
9. Федорова М.В. Славяне, мордва и анты (к вопросу о языковых связях). — Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1976.
10. Цыганенко Г.П. Словарь служебных морфем русского языка. — К., 1982.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ НАРЕЧИЙ И ДИАЛЕКТОВ

арх. — архангельский	пенз. — пензенский
влад. — владимирский	перм. — пермский
волог. — вологодский	пск. — псковский
вор. — воронежский	сев. — северный
вят. — вятский	сев. — двин. — северодвинский
иркут. — иркутский	сиб. — сибирский
костр. — костромской	смол. — смоленский
новг. — новгородский	твер. — тверской
олон. — олонекский	яросл. — ярославский